

Таким образом, «ключом» к пониманию анализируемой сказки можно считать определение *ряба*, то есть *рябая, пестрая*. Снесенное рябой (негативно маркированной) курицей яйцо содержит соответственно огромную негативную (деструктивную, разрушительную) энергию, которая высвобождается после разбивания яйца мышью – хтоническим («нечистым») существом, соотносящимся с представлениями о несчастье, болезни, смерти. Философский смысл сказки заключается в предостережении людей от связи со всякими проявлениями «пестроты», то есть смешанности, неопределенности, неясности, фальши, скрывающимися за внешней привлекательностью.

Литература

- Курочка Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ljpoisk.ru/archive/1281663.html>
- Погодин И. Ранняя вакцинация от безумия: тайна «Курочки Рябы» Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.popsy.ru/new_articles/kurochka_ryaba.php
- Курочка Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oldsite.rprosinka.com/forums/phpbb2>
- Анализ сказки «Курочка Ряба» // Ряба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://community.livejournal.com/deti_v_semje/400888.html
- Лозовская Н.В. Сказочный сюжетный тип: проблемы генезиса и структурного моделирования // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып. 8-9. – СПб., 1995. – С. 221-226.
- Плущер-Сарно А. Курочка Ряба, рыбка Пеструшка и черти полосатые: Символика пестрого в русском фольклоре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plutser.ru/articles/ryaboy>

С.Б. Кураш (Беларусь, Мозырь)

МЕТАФОРА И СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ: PRO & CONTRA

В концептуальном пространстве любого типа дискурса (научного, художественного, религиозного, политического, бытового и пр.) существуют свои «вечные темы». Есть такая «вечная тема» и в истории метафорологических учений. Это вопрос о пользе vs. вреде метафоры.

Известно, что в разные времена в рамках различных методологических парадигм метафора оценивалась по-разному: кем-то поощрялась (как, например, Аристотелем, одним из первых предложившим свою теорию метафоры; или Ф. Ницше; или У. Эко и т.д.), а кем-то отвергалась. В частности, Т. Гоббс называл метафоры «блуждающими огнями», двусмысленными и бессмысленными словами и говорил, что использовать их – значит «бродить среди бесчисленных нелепостей». Так же негативно отзывался о метафоре Дж. Локк, говоря об образном словоупотреблении, что оно «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. ... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [Цит. по: Арутюнова 1990 : 10-11].

Представляют интерес и те трактовки метафоры, которые не дают однозначной оценки данному феномену, когда pro и contra как бы взаимоотражаются, перетекают друг в друга. Нечто подобное находим, в частности, в дискурсе известного современного белорусского учёного, литературоведа, культуролога, философа и – одновременно – писателя А.Н. Андреева.

Относительно метафоры у А.Н. Андреева-литературоведа, философа, культуролога мы находим ряд весьма, мягко говоря, сдержанных заявлений о роли метафоры в языке литературы. Основное здесь – мысль о необходимости разграничения метафорического мышления и образного: «Литературоведов должны интересовать скорее не эвристические возможности метафоры (метафорическое мышление абсолютно неправоммерно рассматривать как синоним мышления образного), а ее выразительностилевые возможности в различных словесно-художественных системах. (...) Метафора – симптом образного, интуитивного мышления, хотя образ может быть создан и без метафоры. Уже один этот факт никак не позволяет отождествлять метафору и образ. Образ и метафора – это просто-напросто разные категории. Метафора – узкосемантическая, неконцептуальна сама по себе (как, например, деталь). Поэтому метафору можно определить как средство передачи образной концепции личности. Это способ воплощения образа, но никак не сам образ. Место метафоры как элемента стиля – в ряду других тропов. Она может быть разных видов: от метафоры, тяготеющей к рационалистичности метонимии, до самых изысканно-"сверхчувственных" образцов» [Андреев 1995 : 64-65]. И ещё: «...образное по-

стижение и полубессознательное метафоротворчество – это разные по содержанию духовные акты, первый из которых представляет собой то искусство, которое "начинается там, где начинается человек", второе (по своей определяющей тенденции) – "там, где человек кончается"; в одном случае мы имеем дело с литературой, ориентированной на воспроизведение личности, всерьёз озабоченной проблемой **самопознания**, в другом – на личности **эстетствующей**, избегающей жизнетворчества всерьёз» [Андреев 2003 : 25].

И в философском дискурсе автора выстраивается аналогичная схема. Например: «Философии смерть оказалась не страшна. Почему? Потому что философия – и это поняли уже древние греки – сама подвергает все аналитическому расчленению, т.е. предаёт смерти же, не оставляя шансов подпитывать жизнь иллюзиями. Философия противопоставляет смерти не страх и стихийную жизненную силу (наивные способы "запугать", отодвинуть смерть и продолжить, спасти жизнь), а бесстрастное понимание, познание. То, что способно бояться, не вошло в состав философии, а если вошло, то такая "философия" превращается в метафору» [Андреев 2000 : 30]. Или: «Плотность смысла задается точкой отсчета в произведении; расположение этой точки и определяет «глубину». Чтобы «глубина», «густота», «плотность», «точка отсчета» перестали быть метафорами (способом передачи ощущений), а несли понятную смысловую нагрузку, необходимо наполнить их конкретным смыслом» [Андреев 2003: 13]. И даже так, афористично и иронично (по отношению всё к той же метафоре): «На глупый или провокационный вопрос лучше всего отвечать метафорой. Все останутся довольны, и каждый получит своё. "Почему на экранах телевизоров не видно мудрецов?" "А потому же, почему на собачьих свадьбах не заметно львов"» [Андреев 2000: 156].

Аналогичных выдержек можно привести ещё несколько, но, видимо, ясно: у А. Андреева метафора иерархически подчинена образу и концептуально противопоставлена познанию и пониманию; отсюда – метафора может быть «пустой», «неосознанной» и пр.

Однако представляется важным – в дальнейшем развитии метафорологических учений – провести ещё одну грань: собственно метафора (например, конкретная фраза, конкретный образ) vs. принцип метафоры (метафорообразия). Последнее – понятие скорее семиотическое, нежели филологическое или культурологическое. По базовым своим свойствам знак (семиотический объект) более чем родственен метафоре. Метафора в филологическом смысле – знак знака, знак в квадрате.

Подчеркнём: это не абсолютизация метафоризма вообще (в узком смысле, который сущностно раскрыт в приведённых выше цитатах из работ А.Н. Андреева), а лишь достраивание метафорологической парадигмы звеном иного порядка – лингвoseмиотического. Есть метафора, и она ограничена в своих правах и возможностях; а есть принцип метафоры, и он – явление иерархически высшего порядка. В этом смысле любой знак изоморфичен метафоре, и сближают их: двуплановость, асимметрия сторон, возможная немотивированность (как и мотивированность), прагматичность и пр. В современной филологии (главным образом лингвистике) описан изоморфизм таких явлений, как метафора и дискурс (Н.Д. Арутюнова), метафора и текст (Б.П. Иванюк), метафора и интертекст (И.П. Смирнов).

Сказанное можно иллюстрировать и рассуждениями самого А.Н. Андреева о В. Набокове, ср.: «Изобилие метафор в рассказе и превращение, в конечном счете, всего произведения в сплошную метафору (рождество нового мироощущения, продление жизни, новое рождение) позволяет сделать определенные выводы. Цель и смысл метафор и сравнений Набокова, поддержанных тщательно организованным словесным уровнем текста, заключаются в том, чтобы сопрягать различные явления, уподоблять их друг другу – и тем самым обогащать. Что, конечно, и должна делать всякая метафора. Однако у Набокова метафора обнажена до своей «первородной» функции: метафора служит не вспомогательным поэтическим средством, а непосредственно «скрепляет» жизнь с литературой» [Андреев 2003 : 185]. Вот здесь как раз речь и идёт о дихотомии «метафора-средство vs. метафора-принцип».

Да и писательская практика самого А.Н. Андреева демонстрирует метафорический принцип обобщения. Один из своих романов писатель в авторской аннотации представляет так: «Роман «Маргинал» – всеобъемлющая метафора. Мир взят в состояниях пограничных: любовь чем-то похожа на ненависть, дружба напоминает вражду, верность превращается в предательство, философия в литературу, красота в грязь, жизнь в смерть. Связь всего со всем – в центре романа: такова философская подоплека формулы «маргинальность»» [Андреев 2006].

Как видно, А.Н. Андреев-учёный и писатель не примкнул в своих рассуждениях ни к тем, кто радикализирует слабость и даже вред метафоры, ни тем более – ко вторым, абсолютизирующим её «самость».

Что касается лингвистической метафорологии, то, как отмечает Н.Д. Арутюнова, в последние десятилетия в её объекте «стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора тем самым укрепила связь с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой» [Арутюнова 1990 : 5-6]. Здесь можно даже уловить нотки абсолютизации метафоры как феномена языка и мышления: «То, что метафора – вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий» [Ричардс 1990 : 24].

Тем не менее некоторые дискурсивные барьеры для метафоры всё же имеются, на что указывает Н.Д. Арутюнова, говоря, в частности, о нехарактерности метафоры для обыденной речи, «убивающей» метафору, и для различных жанров делового дискурса (законов, приказов, уставов, резолюций, постановлений, правил поведения и безопасности, инструкций и т.д.), – т.е. метафоре почти нет места там, где «должно неукоснительно соблюдаться, выполняться и контролироваться», подлежать «точному и однозначному пониманию» [Арутюнова 1990 : 7].

Но тот же автор (и ещё многие-многие другие) пишет о когнитивно-гносеологической функции метафоры в научном познании, иллюстрируя её, в частности, примером из области лингвистики: «Лингвистам хорошо известны метафоры, дающие ключ к пониманию природы языка и его единиц: биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает (ср. живые и мертвые языки); компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства (праязык возник по аналогии с прародителем); для структурного языкознания была ключевой метафора уровневой структуры; для генеративистов – метафора языка как порождающего устройства. Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [Арутюнова 1990 : 15].

Тем не менее идея противопоставления метафоры и научного факта не исчезает из метаязыка науки, что, например, демонстрирует аннотация к монографии О.А. Корнилова, ср.: «В монографии предпринята попытка перевести понятие «языковая картина мира» из разряда красивых метафор в категорию научных терминов; рассматривается широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку» [Корнилов 2003: 2].

Приведённые наблюдения хотелось бы дополнить ещё одним, к слову, мало изученным моментом из области свидетельств в сторону pro либо contra относительно метафоры. Имеются в виду рефлексивные реакции на само понятие «метафора», фиксируемые в различных видах дискурса – от научного (литературоведческого, лингвистического, культурологического и др.) до художественного.

В частности, обращение к ресурсам сети Интернет позволяет судить о том, что слово *метафора* переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, иными словами, концептуализируется. Этому способствуют многочисленные употребления данного слова в нетерминологическом (или не строго терминологическом) значении, характерные для различных видов дискурса – научного (нефилологического), публицистического (медийного), разговорного и др.

Один из возможных способов убедиться в концептуальной значимости слова *метафора* на современном этапе – проанализировать отклики на формулы типа «*N₁ как метафора*», «*метафора + N₂*», «*N – это метафора*» и «*N – это не метафора*» введённые в поисковые системы, а также в лексико-грамматический анализатор электронного Национального корпуса русского языка (НКРЯ), размещённого в Интернете по адресу <http://www.ruscorgora.ru>.

Очевидно, что чем выше будет количество различных подстановок на место *N₁* и *N₂* соответственно, тем больше оснований для расширенного осмысления концепта *метафора*, а следовательно, для трактовки метафоры как междисциплинарного феномена, как элемента метаязыка науки, философии и всякого интеллектуального дискурса вообще.

Вот только некоторые примеры, зафиксированные нами в первом десятке: *город как метафора*; *математика как метафора*; *Сребреница как метафора*; *Европа как метафора*; *дом как метафора*; *танец как метафора*; *имидж как метафора*; *философия как метафора*; *Петербург как метафора*; *физика как метафора* и др.

Такие примеры можно многократно множить, но даже приведённых достаточно для прослеживания такой закономерности: позиция переменной внутри формулы « N_1 как метафора» обычно замещается номинациями тех понятий, которые способны отражать (моделировать) нечто (например, *танец, имидж, философия, физика*), либо моделироваться, наделяться в сознании носителей языка некой потенциальной концептуальной нагруженностью, что, в частности, характерно для пространственных объектов (*Серебряница, Европа, Петербург, дом*).

Вторая формула «метафора + N_2 » отражает развитие валентности анализируемого слова под воздействием его концептуализации, нередко функционируя при этом как продолжение (ветвление вправо) формулы « N_1 как метафора», ср.: *подарок как метафора чувств; разводные мосты как метафора духовной связи; часы как метафора времени; время как метафора тела* и т.п.

Если в контекстах первого типа акцентировалась сема моделируемости, то данная формула скорее ставит знак равенства между метафорой и знаком, метафорой и словом, продвигая рассматриваемый феномен вверх по «семиотической лестнице».

Ряд высказываний, основанных на модели « N – это метафора», наделяется функцией утверждения обобщающего характера. В них понятие «метафора» опять же становится синонимом понятий «знак», «модель», «образ»: *Я понял, что такое участие в «Тур де Франс». Это метафора жизни; Остров – это метафора человеческого общества, его несовершенства; И об этом мой фильм. Для меня фильм — это метафора жизни. Когда я смотрю кино, то думаю о том, что происходило за камерой: где стояли микрофоны, куда был направлен свет, о машинах с оборудованием для съёмочной команды и о людях, которые в нее входили; И вот Грин добрался до главного, теперь он говорит напрямую: война – это метафора всего, с чем мы сталкиваемся в жизни; Христос хочет сесть с нами за один стол – Бог и человек вместе – это метафора примирения; Путешествие – это метафора жизни, и жизнь любого человека – это путешествие; Указка – метафора, этакий символ жестких мер со стороны учителя. Характерно, что в ряде этих примеров в ближайшем контексте со словом *метафора* появляются слова типа *символ, образ* и т.п. Наиболее частотным здесь является употребление словосочетания *метафора жизни*, что говорит об оценке метафоры как одного из основных средств смыслопорождения в осмыслении отдельных жизненных реалий и концепта «жизнь» в целом.*

В примерах иного рода акцентируются другие смысловые множители анализируемого слова-концепта, ср.: *Свобода слова в известной степени – просто красивая метафора, наподобие "именин сердца" или "поступи эпохи"*. Здесь мы видим восприятие концепта «метафора» как словесной уловки (тех самых «блуждающих огней»), за что метафоре, как уже отмечалось выше, досталось в своё время немалое количество критических стрел.

Примерно в таком же ракурсе метафора рефлексивируется в контекстах, основанных на модели « N – это не метафора». Причём в таких контекстах характерно присутствие особых прагматических усилителей отрицания (а по сути – нанесения урона «авторитету» метафоры), ср.: *Больно было нестерпимо, душевная боль доходила до физической – ощущение как будто сердце разрывается на части (оказывается, это не просто красивая метафора, а вполне реальная боль!). «Не просто красивая метафора...»* здесь противопоставляется факту реальности, а следовательно, отрицается способность метафоры к структурированию достоверного факта. Ср. также: *Это не метафора, а довольно точно сфокусированное учение молодого философа; Выражение «любовная лихорадка», таким образом, не метафора, а точный медицинский «диагноз»*. В данных примерах формула « N – это не метафора» распространяется далее за счёт противопоставления «не метафора, а...», причём опять же противопоставление касается оппозиции метафоры и реальности, достоверности. Характерно, что в подобном употреблении, в одной, выражаясь термином Н.В. Павлович, «парадигме образов» на месте слова *метафора* можно встретить слова типа *иллюзия, фантом* и пр., ср.: *Ипотека в 8% годовых в рублях – это не иллюзия, как полагают многие финансовые эксперты, а реальность*.

Таким образом, концепт «метафора» – чрезвычайно ёмкий и сложный, семиотически амбивалентный, семантически подвижный, и наиболее полное представление о его смысловом объёме можно получить только из аналитического обобщения большого корпуса употреблений данного слова в различных видах дискурсивных практик [см.: Кураш 2009; Кураш 2011]. Но главное в любых рассуждениях о метафоре с позиций *pro & contra* – это изначально определиться с терминологией, т.е. с концептуальным наполнением данного слова, ведь, как можно было убедиться из приведённых примеров, нет МЕТАФОРЫ

единой для всех и вся; есть МЕТАФОРА всякий раз разная. Пожалуй, в этом и заключается её главная тайна, ведущая подчас к неуловимости смысла...

Литература

Андреев А.Н. Психика и сознание: два языка культуры. Минск: БГУ, 2000. 233 с.

Андреев А.Н. Философия литературы [Электронный ресурс]: Учебное пособие для студентов и магистрантов вузов – Электрон. текст. дан. (3,5 Мб). Минск: «Электронная книга БГУ», 2003. – Режим доступа: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Philology/andreev3.pdf>

Андреев А.Н. Целостный анализ литературного произведения. Минск: НМЦентр, 1995. 144 с.

Андреев А. Маргинал: романы и повесть. Минск: Макбел, 2006. 320 с.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5 – 32.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кураш С.Б. Нетерминологические употребления слова *метафора* в современном русском языке (по данным Интернет-источников) // Русский язык: система и функционирование: сб. матер. IV междунар. науч. конф. В. 2 ч. Ч.1. Минск: РИВШ, 2009. С. 184-187.

Кураш С.Б. Функционирование концепта метафора в различных дискурсивных практиках (по данным Национального корпуса русского языка) // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак: СГПА им. З. Биишевой, 2011. С. 174-180.

Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 44 - 67.

О.Ю. Лысова (Россия, Тольятти)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ «ЗОЛОТО», «ЗОЛОТОЙ»

Внутренняя форма русских фразеологизмов, как правило, погружена в культурное пространство языка и имеет культурную коннотацию.

«Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образного мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. ... Способом указания на культурную коннотацию фразеологизма является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового сообщества» [Калинина 2007: 101].

Выполняя лингвокультурологический анализ, следует выяснить, какие культурные сущности воплощаются в языке и какими языковыми средствами и способами они закрепляются. При этом фразеологизмы (как единицы языка) должны интерпретироваться в контексте культуры, а не наоборот.

Известно, что между культурой и языком нет прямого соотношения. Но между ними можно поставить пресуппозицию (ранее приобретённое знание) как ключ к научной интерпретации. Именно знание пресуппозиции открывает путь к культурному комментарию фразеологизмов.

Алгоритм современного лингвокультурологического анализа языковых единиц разработан авторами «Большого фразеологического словаря русского языка». По своей структуре этот анализ является многоуровневым и включает в себя несколько обязательных этапов (или информационно-смысловых блоков). Применительно к нашему материалу такой анализ может производиться следующим образом. Сначала образ идиомы соотносится с древнейшими пластами культуры, под которыми подразумеваются архетипические противопоставления, мифологические представления об устройстве мира, конкретные тексты мифов, ритуалы (в том числе их рефлексии – обычаи, обряды, обереги) и т.п.

Приведём примеры, иллюстрирующие названный этап. Вначале назовём некоторые архетипические оппозиции и фразеологизмы, восходящие к этим древнейшим формам осознания мира. Так, к архетипу «верх – низ» восходят образы таких фразеологизмов, как *на седьмом небе, звёзд с неба не хватает, идти в гору, сквозь землю провалиться, как небо и земля, между небом и землёй* и др. С архетипом «жизнь – смерть» связаны выражения *в расцвете лет, затрагивать за живое, на ладан дышать, на краю гибели* и др. Древнейшее противопоставление «далёкий – близкий» характерно для оборотов типа *под боком, под*